

Гносеология С. Клычкова и Н. Клюева (1920–1930-е гг.)

Аннотация: Мировоззренческие искания Клычкова и Клюева в 1920–1930-е гг. существенно различаются, но в их творчестве мы видим общие философские, религиозные, этические приоритеты. В их теологии очевидны вопросы о духовной и плотской природе Бога-Отца и Бога-Сына. Остро поставлен вопрос о богооставленности. Высказана гностическая версия сотворения мира с участием Князя мира. В 1920–1930-е гг. актуализировался вопрос о смысле присутствия Князя мира в жизни человечества; высказаны мысли, отвечающие апокатастасии Оригена Александрийского.

Тема зла в их произведениях решается как апостасия. Оба описывают бессилие человека перед плотскими и сектантскими искушениями. Масштабы зла в романах Клычкова и поэзии Клюева коррелируют со словами ап. Иоанна «весь мир лежит во зле». Причины порчи человека они видят не только в социальном сломе русской жизни XX в., но и в изначальной природе твари. Среди проявлений отступничества – безверие, экологическая катастрофа. Их теодицея перекликается с воззрениями С. Булгакова, Н. Лосского, Е. Трубецкого. Решался и вопрос об искуплении, в том числе кровью, что соотносится с библейскими мотивами.

Клюев и Клычков – космисты, их взгляды на мироустройство близки идеям Г. Лютце, Я. Бёме, а также русских философов-космистов. Развита концепция целостности и идентичности верхнего и нижнего миров.

Ключевые слова: апостасия, Есенин, Клычков, Клюев, Ориген Александрийский, теодицея, Хильдегарда Бингенская, Хармс

Abstract: The spiritual quest of Klychkov and Klyuev have significant differences in 1920–1930, but we see a common philosophical, religious, ethical priorities in their works. In their theology the evident question is about the spiritual and the carnal nature of God the Father and God the Son. Actual question is the abandonment by God. There was expressed gnostic version of the creation of the world with the participation of the Prince of peace. Also there was actualized the question about the Prince of peace in human life as apocatastasis of Origen of Alexandria.

The theme of evil in their works is solved as apostasia. Both describe the powerlessness of man before the carnal and sectarian temptations. The magnitude of evil in the novels of Klychkov and poetry Klyuev correlate with the words of the apostle John “the whole world lieth in wickedness”. They see the causes of person’s damage not only in social scrapping of Russian life of the 19 c., but in the original nature of the man. Among the manifestations

of apostasy – unbelief, ecological disaster. Their theodicy is correlated with the views of S. Bulgakov, N. Lossky, E. Trubetskoy. There was a question about the atonement through the blood that correlates with biblical motifs.

Klychkov and Kliuev – *cosmists*, their views on the world are similar to the ideas of G. Lotze, J. Boehme and the Russian philosophers-cosmists. They developed the concept of integrity and identity of the upper and lower worlds.

Key words: apostasy, Yesenin, Klychkov, Klyuev, Origen of Alexandria, theodicy, Hildegard of Bingen, Harms

Творческая интеллигенция начала XX в. была готова соизмерять свои эстетические ценности с ценностями «народа-художника». Как сказано в главе «Мечты о народе-художнике» сочинения Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» (1907), «искусство идет навстречу народной душе», потому путь поэзии «к всечеловечности вселенской – народность», язык поэзии «прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова», индивидуализм – «отвлеченное понятие», приоритетны «Хор, Миф и Действо»¹. Он же высказал такую аксиому: нельзя организовывать народную душу и ее творческую жизнь, «школить» мифологическое мирозерцание, религиозный почин, как нельзя в борьбе с государственной церковью «бороться против веры вообще»². Художественное и религиозное мирозерцание новокрестьянских писателей никто и не «школил» – они сами прислушивались к новым эстетическим и идеологическим веяниям: С. Есенин, Н. Клюев, А. Ганин, П. Орешин – к скифству, Клюев – к голгофскому христианству и акмеизму, С. Клычков – к символизму. Что-то перенимали, по-своему интерпретировали, что-то отвергли и расставались со «школой», создавали свой язык и свою концептосферу. Как сказал Клюев: «Мужицкой верой беспоповской / Мой дух в апостольник обряжен! – / Ни лунной, ни ученой пряжей / Его вовек не замережить!...»³ («Песнь о великой матери», между 1929 и 1934). К 1920-м гг. их воззрения были свободны от современной революционно-мистической мифологии. В новокрестьянах мы видим индивидуальное переживание далеко не всегда разрешенных в истории человеческой мысли, в современной им философии и литературе проблем бытия. Вопрос о путях зла не сводился ими только к политической ситуации, трагедии богооставленности или апостасии рассматривались в контексте вечных интеллектуальных и религиозных исканий, земная жизнь осмыслялась как космологическая данность.

Мы наблюдаем и освобождение от собственных сектантских искушений: у Клюева и П. Карпова это хлыстовство, у Есенина и Клычкова – аггелизм. Всё более проявляла себя родовая вера. Прежде всего это касается старообрядца поморского толка Клюева и старообрядца австрийского толка Клычкова. Поморская Церковь берет начало от Выговского монастыря – мощного духовного центра XVII в., в XX в. это беспоповское согласие было самым многочисленным. История австрийского согласия несколько сложнее: в правление Алексея Михайловича

¹ Иванов Вяч. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст., примеч. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1994. С. 70, 71.

² Там же. С. 71.

³ Клюев Н. Сердце Единорога / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 806. Здесь и далее поэтические тексты Клюева цит. по данному изданию, номера страниц указаны в скобках.

ча, Софьи и Петра Первого старообрядцы обосновались в Молдавии, в XVIII в. земли их расселения отошли к Австрии, но их вероисповеданию была дана свобода, их общины разрослись и появились в России.

В 1920–1930-е гг. в познании миропорядка Клюевым в большей мере сказались религиозный и интеллектуальный опыт, для Клычкова основами познаваемости бытия в большей мере стали интуиция, нравственные константы. Клюев уверен в спасении русского мира, «никогда не сомневается в конечной Божией справедливости»¹, как верно отмечает М. Никё. В Клычкове сильнее экзистенциальное мироощущение, ему знакомо чувство богооставленности; зимой 1930–1931 г. родились строки: «Не мечтай о светлом чуде: / Воскресения не будет! // Ночь пришла, погаснул свет... / Мир исчезнул... мира нет...»². В религиозном сознании Клюева были аффект, вдохновение, старообрядческая, а в раннюю пору и сектантская, бескомпромиссность. Религиозное чувство Клычкова глубоко личное, непретенциозное. В Клюеве была апостольская сила, он воспринимал себя участником Божьего замысла, ему являлись видения, он видел пророческие сны. Клычков в отношении к миру интимен. Клюеву и в позднюю пору свойственны утопические представления о крестьянском бытии; согласимся с Р. Врооном: «В его двух поэмах – “Заозерье” и “Погорельщина” – черты старообрядческого этоса окрашивают картину крестьянской утопии»³. Клычков не был утопистом; более того, в его романах крестьянской утопии об идеальном Сорочьем царстве противопоставлена реальность умирающей крестьянской ойкумены. При названных и не названных нами различиях гносеология того и другого содержит специфику крестьянских представлений о Боге и космосе, характеризует мировоззренческие приоритеты интеллигенции, вышедшей из крестьянских пластов народной жизни. Отметим, что сами они никогда не называли себя новокрестьянскими писателями, осознавали себя выразителями веками сложившегося крестьянского этоса.

Во-первых, они верующие. В их теологии вызрели вопросы: Бог-Отец органичен? Он есть дух? Он – и плоть, и дух? Бог-Сын в большей мере плоть или дух? В текстах Клюева натуралистической образности в восприятии Иисуса Христа предостаточно. Вот лишь одно его высказывание 1922 г. по поводу творящей мощи Господа: «Мой Христос не похож на Христа Андрея Белого. Если Христос только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне, и если жизнь – то жизнь пляшущего кристалла, то для меня Христос – вечная неиссякаемая удойная сила, член, рассекающий миры во влагалище, и в нашем мире прорезавшийся залупкой – вещественным солнцем, золотым семенем непрерывно оплодотворяющий корову и бабу, пихту и пчелу, мир воздушный и преисподний – огненный»⁴. Возможно, в таком умонастроении следует искать генезис эпатажного цикла «Спас» (между 1916 и 1918), поэмы «Мать-Суббота» (<1922>) и др. Возможно, отсюда

¹ Никё М. Теодицея у Н. Клюева и С. Клычкова // XXI век на пути к Клюеву / Сост. Е.И. Маркова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 83.

² Клычков С.А. Собр. соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н.М. Солнцевой, сост. и коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина при участии Г. Маквея. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2000. С. 247. Далее поэтические тесты Клычкова цит. по данному изданию, номера страниц указаны в скобках.

³ Вроон Р. Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева // Николай Клюев: исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 63.

⁴ Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 53.

или от собственного витализма проистекают натуралистические коннотации есенинских образов вроде «Небо словно вымя, / Звезды как сосцы / Пухнет Божье имя / В животе овцы»¹.

Для Клычкова Бог – «безбородый, потому бороде негде на нем поместиться, ибо он есть высшая плоть, плоть плоти, сиречь речь говорится: нескончаемый дух!.. Только всего этого человек хорошо не может понять»². Полагаем, в строках Клычкова скрыта полемика с Есениным: в «Железном Миргороде» (1923) Саваоф – «дед с бородой»³, что было сказано с вызовом. Например, этот же образ «деда с бородой» у Д. Хармса был согрет детской впечатлительностью и не содержал ничего оскорбительного:

«– Каким вы представляете Бога? – спросил меня однажды Даниил Иванович. – Стариком Саваофом, каким его изображают под куполом Церкви? С бородой?

– В детстве – да, представлял таким.

– А я и сейчас именно таким. Краснолицым, с белой пушистой бородой»⁴.

К слову, Хармсу был очень интересен Клюев. Очевидно, не только как творец своего стиля, но и как религиозный мыслитель.

Клычков знал об учении Оригена Александрийского, размышлял над его сентенциями, потому не лишним будет обратиться к точке зрения Оригена, так сформулированной Вл. Соловьевым: Иисус Христос рожден прежде всякого творения, служил Отцу при создании мира, в последние дни стал человеком, не переставая быть Богом, воспринял вещественное тело, родившись от Девы и Духа Святого, страдал, умер, воскрес. По словам Соловьева, «в учении о Боге Ориген настаивает особенно на бестелесности Божества, доказывая (против антропоморфитов), что Бог есть “свет” не для глаз, а только для ума, Им просвещаемого»⁵. Антропоморфиты (IV в.), апеллируя к антропоморфным образам ветхозаветного «Бытия», полагали, что у Бога есть человекоподобное тело, есть сходные с человеческими чувства. Не касаясь спора оригенистов и антропоморфитов, отметим, что Клычкову ближе взгляды Оригена, а строки в его лирике 1930-х гг. «Пусть старый Бог живет на небеси, / Как вечный мельник у плотины...» (255) совсем о другом – о подобии микро- и макрокосма.

Отметим также, что и в гносеологии Клюева утверждалась – особенно в позднюю пору – идея Богочеловека: «Читал я Кантову “Kritik der reinen Vernunft” (“Критику чистого разума”). Ум глубокий, плодоносящий. Не то что Фойербах (так он произнес). Для него, дурнобашкового, Христос не Богочеловек, а человеко-бог. Мелок немец»⁶. В маленьких поэмах Есенина Христос слишком человек, но эта коннотация появилась от очень личной любви к Нему поэта, потому в его «Или, Или, лама савахфани, / Отпусти в закат» (158) («Илú, Илú, ламá савахфанú» – «Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?» [Мтф. 15: 34]) мы

¹ Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения 1910–1925 / Вступ. ст., сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. С. 138. Далее цитаты поэтических текстов Есенина даны по этому изданию, в скобках указаны номера страниц.

² Клычков С. Чертухинский балакирь // Клычков С.А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 78.

³ Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925 / Сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. С. 246.

⁴ Пантелеев Л. Верую... : Последние повести. Л.: Советский писатель, 1991. С. 43.

⁵ Соловьев Вл. Философский словарь / Сост. Г.В. Беляев. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 336.

⁶ Липкин С.П. В Овражном переулке и на Тверском бульваре // Николай Клюев: Воспоминания современников / Сост. П.Е. Поберезкина, вступ. ст. Л.А. Киселевой, коммент. Л.А. Киселевой при участии Т.А. Кравченко, М. Никё, С.И. Субботина. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 581–582.

слышим лиризм пронзительный по сравнению, например, с эпической корректностью ахматовской строки «Отцу сказал: “Почто меня оставил”»¹.

Остро был поставлен вопрос о богооставленности. Герои романов Клычкова сетуют на то, что Бог их оставил, потому жизнь их нескладная и в родной стороне нет пресветлого Иордана. В «Погорельщине» (1928) Клюева рассказано об исходе святых: Егорий, св. Георгий-змееборец, уходит с иконы, оставляя крестьянский мир со змеем, а Микола, св. Николай Угодник, не откликается на просьбу крестьян о помощи. В «Песни о великой матери» «Никола наг, Егорий пеший / Стоят у китежских ворот!» (779). В одном из снов Клюева начала 1920-х гг. описывается, как от берега отчаливает «огромный пароход со многими ярусами, и на каждом ярусе стоят в старинных одеждах рядами русские подвижники, мученики, святые – каждый на своем ярусе. Здесь же и преподобные, и великомученики, и блаженные, и юродивые – по своим ярусам. На мачте – хоругвь с изображением Нерукотворного Спаса», только «одна Владычица осталась на земле в образе странницы»².

Однако ни у Клычкова, ни у Клюева нет недоумения по поводу такой обреченности русских людей на онтологическую незащищенность. Мы не встречаем в их произведениях упрека Богу или святым угодникам. Причину катастрофы оба видят в порче человека, его слабости перед плотскими и мыслительными искушениями. Клюев в лирике, в поэмах описал масштабы зла. Например, в «Песни о великой матери»: «Я вижу белую Москву / Простоволосою гуленой, / Ее малиновые звоны / Родят чудовищ наяву, / И чудотворные иконы / Не опаляют татарву! / Безбожие свиной хребет / О звезды утренние чешет, / И в зыбуны косматый леший / Народ развенчанный ведет» (779). И апостасия «развенчанного» народа, как это описано Клюевым, и грехолюбивая душа человека, показанная в романах Клычкова, – источники зла. Вряд ли Клычков, автор романа «Князь мира» (1927), знал о существовании романа Р.Х. Бенсона «Князь мира сего» («The Lord of The World», 1907), в котором победа антихриста – это победа социализма. Он прежде всего обратился к природе человека, попустившего власть дьявола над крестьянским миром.

Как ап. Иоанн сказал в первом послании, «весь мир лежит во зле» (5: 19). В словах Клычкова из дневников П. Журова, сказанных по поводу «Князя мира», есть явное обращение к словам ап. Иоанна: «...никто, как сам народ, не чувствовал, что мир во зле лежит, облеплен злом <...>. Покажи мне в русской жизни человека, перешагнувшего через зло»³. Его поздняя лирика – о том, что «давно не смотрит Спас с божницы, / И свет лампад давно погас» (252), что «черт сидит и рыбку удит / В мутном омуте души» (256). Клычков описал соблазны мирян и церковных служителей. Крестьяне трудолюбивы, терпеливы, они правдоискатели, их сознание поэтично, но они жестоки, впадают в пьянство, суеверие, их нищета порождает корысть. Еще в 1912 г. он писал Журову: «Волен человек русский и провалился в свою волю, как медведь в яму, – широка русская душа, и... подавилась своей шириной, как собака костью!»⁴. Среди новообрядцев – персонажей романов Клычкова – есть батюшки, слабые до женского пола и жадные до денег,

¹ Ахматова А. Реквием // Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3 / Сост., коммент., ст. С.А. Коваленко. М.: Эллис Лак, 1998. С. 28.

² Клюев Н. Словесное древо. С. 96.

³ РГАЛИ. Ф. 2862, оп. 1, ед. хр. 23.

⁴ Журов П.А. Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. 1971. № 2. С. 152.

дьякон пропил водосвятный крест и верит в боженят, но и старообрядцы отступают от веры. Здесь нам лучше обратиться за разъяснением к специалисту. Как пишет о. Владимир (Чугунов): Клычков «застал <...> уже головешки этого некогда “огненного старообрядчества”. И все-таки можно вполне утверждать, что, пожалуй, оно одно почти до самой революции не утратило “живого интереса” к путям спасения. В чем угодно можно упрекнуть старообрядцев, только не в “тепло-хладности”, в которой пребывало тогда официальное православие. Канонически верно изложенное и охраняемое от еретических поползновений православие в итоге породило массовое безразличие в среде верующего русского народа»¹.

Порчу человеческой породы Клычков понимал как изначальную данность: «А все оттого, что человек, переставши быть зверем, сам стал больше, чем волк или медведь, на дикого зверя похож»². Однако апостасию соотносили и с современностью. В «Погорельщине» говорится о крестьянах из прошлой России, но в них во время голода просыпается такой дикий зверь: «Сосед освеживал мальчонка / И серой солью посолил / Вдоль птичьих ребрышек и жил. / Старуха же с бревна под балкой / Замыла кровушку мочалкой, / Опосле, как лиса в капкане, / Излилась лаем на чулане» (687). Признавая невозвратность ушедшего крестьянского менталитета, они писали о людях, сформировавшихся в условиях новой идеологии. Клычков в «Чертухинском балакире» (1926) забвение прежнего бытия соотнес с большевиками. В «Песни о великой матери» Клюева есть строки: «Молитва, милостыня, ласка, / В повойнике парчовой сказка / И песня про снежки пушисты, / Что ненавидят коммунисты!» (810). Там же появляется образ комсомолки: «Окно же с девичьей иголкой / Запыхало комсомолкой, / Кумачным смехом и махрой / Над гробом матери родной» (811), что коррелирует с есенинскими строками из «Возвращения на родину» (1924): «“Да!.. Время!.. / Ты не коммунист?” “Нет!..” / “А сестры стали комсомолки. / Такая гадость! Просто удавись. / Вчера иконы выбросили с полки, / На церкви комиссар снял крест”» (237). Сравним с элегической коннотацией этой же темы у Г. Иванова: с одной стороны, «А мы – Леонтьева и Тютчева / Сумбурные ученики – / Мы никогда не знали лучшего, чем праздной жизни пустяки», с другой – «И голубые комсомолочки, / Визжа, купаются в Крыму»³ («Свободен путь под Фермопилами...», изд. 1957).

Отступничество видели и в экологической катастрофе. Как писал Клюев: «Антихрист близок! Гибель, гибель / Лесам, озерам, птице, рыбе!..» (786). В «Чертухинском балакире» предрекаются скорые времена, когда человек уничтожит лесных зверей, выморит рыбу, переловит птиц, срежет все деревья и земля станет похожей на голую бабью коленку – вот тогда рогатый вместо души приделает человеку гайку.

Так новокрестьяне разрешали экзистенциальный вопрос о богооправдании – о теодицее. «Так холодно в людском жилье / На Богом проклятой земле!..» (810) – говорит Клюев, но трагедию бытия объясняет отступничеством человека. Только так Клычков и мог объяснить целесообразность зла. Крестьянская теодицея, в принципе, не отличалась от теодицеи высокой философии.

Е.Н. Трубецкой в первый пореволюционный год («Смысл жизни», 1918) задается вопросом: зло Богу нужно? Смысл жизни – в подчинении предустановлен-

¹ См.: о. Владимир Чугунов. Открытое исповедничество Сергея Антоновича Клычкова // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы / Ред.-сост. Е.В. Дьячкова. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2001. С. 24.

² Клычков С. Чертухинский балакирь. С. 85.

³ Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. Е.В. Витковский; коммент. Г.И. Мосешвили. Т. 1. М.: Согласие, 1994. С. 387.

ному не биологией, но Богом порядке. Есть биологическая непрерывность продолжения рода за счет смерти индивидуумов и пожирания друг друга. Метафора такого порядка вещей – гусеница-шелкопряд: «Куколки, бабочки, черви, куколки, бабочки, черви и так далее до бесконечности», и в этой «дурной» бесконечности «вращается на земле всякая жизнь»¹. Но удовлетворяет мыслящего и верующего человека биологическая заданность? Нет, «вместо того чтобы быть “оправданием” Бога, такая теодицея есть тяжкое против него обвинение, ибо она представляет Его жестоким мучителем, для которого страдания твари служат предметом эстетического наслаждения»². Бог не виновник зла, «единственной виновницей его является греховная и злая воля твари», которой дана свобода выбора. Свобода выбора между добром и злом – условие дружества между Богом и тварью, так как тварь несвободная другом быть не может. В таком дружестве – «предвечный замысел Бога о твари», но «вся наша действительность находится в полном противоречии с этим замыслом, <...> мы не хотим быть Богу друзьями»³. Н. Лосский, вслед за Ф.М. Достоевским, ставит вопрос о том, «как мог всемогущий и всеблагий Бог сотворить наш мир, столь глубоко пронизанный всевозможными видами зла»⁴, и пишет об ответственности человека: «Итак, человек – существо свободное; ничто не вынуждает его совершать дурные поступки; если человек отклоняется от пути добра и вступает на путь зла, он страдает и не имеет права сваливать вину на других, на среду или на Бога, будто бы плохо сотворившего мир»⁵. Антроподицея и теодицея в разрешении проблемы свободы – тема и Н. Бердяева («Мирозерцание Достоевского», 1923).

Не мог не возникнуть вопрос об искуплении. Согласно идее Лосского, источник зла – в недостатке любви, потому «страдание есть заслуженное человеком наказание, ведущее к очищению его души»⁶. Скорее всего, так неодолимую силу зла, его присутствие в жизни человека и общества объяснял Клычков во второй половине 1920-х и в 1930-е гг. Более того, он искал высший смысл трагических кончин и Есенина, и Маяковского и записал в дневнике свою мысль о самоубийстве как очищении кровью. Необъяснимо для нас она соотносится со строками из «Войны и мира» (1915–1916) Маяковского: «И стало невыносимо ясно: / если не собрать людей пучками рот, / не взять и не взрезать людям вены – / зараженная земля / сама умрет – / сдохнут Парижи, / Берлины, / Вены!»⁷ Возможно, Клычков на свое время спроецировал библейскую идею. Если в «Исходе» говорится о крови очистительной жертвы за грехи из рода в род (30: 10), то в Новом Завете речь уже шла об искупительной крови Иисуса. В Послании к Евреям апостол Павел говорил о том, что Христос пришел «не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию», она «очистит совесть нашу от мертвых дел» (9: 12, 14). Он говорил об очищении кровью как установленном порядке: «Да и все почти по закону очищаются кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (9: 22). Эту же универсалию мы предполагаем в высказывании Клюева 1922 г.: «Человек-пахарь, немногим умаленный от ангелов, искупит ржавую кровью мир»⁸.

¹ Трубецкой Е. Смысл жизни. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 40, 41.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 155, 156.

⁴ Лосский Н.О. Миропонимание Достоевского // Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А.А. Яковлев. М.: Республика, 1994. С. 110, 111.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Маяковский В. Соч.: В 3 т. / Примеч. Ф. Пицкель. Т. 3. М.: Худож. лит., 1967. С. 43.

⁸ Клюев Н. Словесное древо. С. 51.

Еще более острый вопрос в гносеологии новокрестьян – целесообразность Князя мира, рогатого. В прозе Клычкова персонаж развивает гностическую версию сотворения мира. Во-первых, Бог создал несовершенный мир, доделывал его черт. Во-вторых, черти сосуществуют с человеком извечно и живут в крестьянском доме. Вспоминается картина Я. Йорданса «Сатир в крестьянском доме» (после 1620). Кроме того, в самом человеке есть дьявольская суть, что описано в романах Клычкова и созвучно классическим философиям. Например, Клюев читал сочинения Я. Бёме, а одна из сентенций Бёме: «Вот почему человек носит с собою здесь, на земле, в своем теле вечную обитель дьявола»¹.

Отношение Клюева и Клычкова к дьявольским силам менялось. Откуда могло возникнуть намерение Есенина и Клычкова в первое пореволюционное время создать некий аггелизм? Аггел – падший ангел, злой дух, слуга сатаны. Клычков – старообрядец, Есенин увлечен старообрядчеством – и вдруг аггелизм. Даже лирическая героиня М. Цветаевой не допускала аггелов в свою жизнь: «Перед Саулом-Царем кичась, / Не заиграться б с аггелами!», «Перед Саулом-Царем играв, / С аггелами не игрывала!»² («Лютня», 1923). Откуда в «Песни Солнценосца» (<1917>) Клюева желание пригласить к обновлению страны и их? «На каменный зык отзовутся миры, / И демоны выйдут из адской норы», «О демоны-братья, отпейте и вы / Громовых сердец, поцелуйной молвы!» (363, 364). Возможно, от него и пришел этот аггелизм. Революцию новокрестьяне приняли религиозно и утопию всеобщего братства перенесли на аггелов. Эта идея не была случайной, и помимо религиозно-революционного экстаза эта мысль явно была обращена к древним ересям – к учению Оригена Александрийского и Григория Нисского об апокатастасисе: по благой воле Бога падшие ангелы будут прощены и восстановлены в первичный ангельский чин, претерпев очистительные адовы муки. Таким образом, демоны и дьявол воссоединятся с Богом. Рецепцию апокатастасиса, но как воли человека, мы видим в утверждении Клюева 1922 г.: «Ходатай за сатану, сотворивший хлеб из глыбы земной, пахарь целует в уста древнего Змия и вводит в субботу серафима и дьявола, обручая их перстнем бесконечного прощения...»³.

Однако в позднем творчестве Клычкова и Клюева нет и намек на апокатастасис – на восстановление демонов в прежней ангельской природе. Романы Клычкова пронизаны темой убийственного для человеческого рода Князя мира. Разместившиеся в лампадном масле черти смущали сознание верующих, очажный бес довел солдатку до самоубийства, демон в образе сахарного немца подтолкнул зауряд-прапорщика – крестьянина с нежной, заячьей душой – к ненужному убийству, черт укатал петроградскую землю, присвоил себе лик уважаемого односельчанами старца и сожительствовал с его женой, искушал крестьянский мир неразменным рублем и проч. Позднее высказывание Клычкова «Ориген был великий мыслитель. Он учил, что Господь Бог в веках простит и спасет ангела зла: сатану»⁴ говорит о воле Бога, но никак не об оправдании существования сатаны, или признании в нем брата, или личном прощении. Клычков, в отличие от раннего Клюева, всегда сохранял иерархию Творца и твари, знал пределы дозволенного

¹ Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Пер. с нем. А. Петровского, вступ. ст. Д.Я. Калугина. СПб.: Азбука, 2000. С. 318.

² Цветаева М. Книги стихов / Сост., коммент., ст. Т.А. Горьковой. М.: Эллис Лак, 2006. С. 589, 590.

³ Клюев Н. Словесное древо. С. 51.

⁴ Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии / Публ., сост. Н.В. Клычковой; вступ. ст., коммент. С.И. Субботина // Новый мир. 1989. № 9. С. 204.

человеку познания. Более того, в этих словах мы слышим растерянность человека, подвергнутого жесткому остракизму со стороны идеологов.

Вся «Погорельщина» Клюева – об уничтожении дьяволом старообрядческого мира, сон «Мертвая голова» (1922) – о демонах-мясниках, торгующих человечинной, цикл «Разруха» (<1934>) – о России, превратившейся «от Лаче-озера до Выга» в «кочевья леших и чертей» (624), о пьяном от крови сатане, который «по первопутку бед, сарыней, / И над кремлевскою святыней, / Дрожа успенского креста, / К жилью зловещего кота / Клубит метельную кибитку» (630). Обличие черта омерзительно: «И, подвязав воловий хвост, / На верезг мерзостной свирели / По-вылез черт из адской щели – / Он весь мозоль, парха и гной, / В багровом саване, змеей / По смрадным бедрам опоясан...» (359–360).

Пора Тамбовского и других крестьянских восстаний прошла. Клычков в 1930 г. считал, что подвиг, жертва, борьба и невозможны, и бессмысленны, нужно всем народом молиться об умягчении сердец власть предержащих. Он показал бессилие человека перед злом. Клюев тоже описал смирение поморских крестьян перед нашествием Змия. Их сюжеты, будь они мистического или исторического смысла, содержали аллюзию на современность. Вот дневниковая запись М. Волошина от 28 июня 1931: «И невольно преклоняешься перед тем великолепным смирением, которое теперь часто видишь у раскулаченных крестьян»¹. Можно говорить о физическом, психическом смирении, но не мировоззренческом, о чем, на наш взгляд, говорит мучительный поиск Клычковым высшего, мистического оправдания зла. Да и Волошин в «Левиафане» (1915, 1924) принимает волю Бога, создавшего левиафана. Клюев же верил в победу над злом: «Но дивный Спас! Змею копытя, / За нас, пред ханом павших ниц, / Егорий вздыбет на граните / Наследье скифских кобылиц!» (779) Следует также иметь в виду поведение Клычкова и Клюева, чтобы понять пределы смирения и силу личного бесстрашия. Это же касается их творчества. Много создано «в стол» и составило фонд потаенной литературы. Отвечая на вопрос анкеты журнала «На литературном посту» (1931. № 20–21) «Какой нам нужен писатель?», Клычков высказался о роковом для современного писателя отсутствии сопротивления современности: писателю необходимо сохранять для себя запретную зону мыслей и чувств.

И Клюев, и Клычков – космисты. Если следовать положениям «Ключей Марии» (1918) Есенина, крестьяне, чья жизнь обращена к почве и космосу, чей труд зависит от неба, не могут не быть космистами. Они космисты и в религиозном смысле. По Есенину, «сдвиг» человечества к космосу неизбежен, и через распятие Христос вошел «в пространство от луны до солнца»². Приведем высказывание Клюева 1922 г. о поэме «Мать-Суббота» (<1922>): «Причащение Космическим Христом через видимый хлеб – сердце поэмы»³.

Космос – пространство, в котором существуют крестьяне Клычкова. Луна – не декоративный элемент пейзажа или маркер душевного состояния, что наиболее часто встречается в литературе («Высоко поднялся и белеет / Полумесяц в белых небесах»⁴ в «Рассвете» И. Бунина, 1900; «Луна плывет, как круглый щит / Давно убитого героя, / А сердце ноет и стучит, / Уныло чуя роковое»⁵ в «Одержимом»

¹ Волошин М. Собр. соч. / Общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. Т. 7. Кн. II. М., 2008. С. 192.

² Есенин С. Ключи Марии // Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925. С. 273.

³ Клюев Н. Сердце Единорога. С. 51.

⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1 / Сост., коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993. С. 73.

⁵ Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост, примеч. Н.А. Богомолова. М.: Худож. лит., 1991. С. 84.

Н. Гумилёва, 1908; «Из длинных трав встает луна / Щитом краснеющим героя»¹ в «Голосе скрипок» А. Блока, 1910; «Когда луна сверкнет во мгле ночной / Своим серпом, блистательным и нежным, / Моя душа стремится в мир иной, / Пленяясь всем высоким, всем безбрежным»² в «Лунном свете» К. Бальмонта, <1894> и т. д.). Космическая образность романов Клычкова близка поэтике космических ощущений в «Котике Летаеве» (1917–1918) А. Белого. Луна сосуществует с человеком. То большеротый месяц перегнулся через окоп и посмотрел на солдат, то луна – источник интуиций героев, то дьякон раздавил ее, как яичный желток, тележным колесом и т. д. Луна – живой организм, что соответствует точке зрения упомянутого выше Оригена: кроме человека, есть в этом мире и другие разумные существа – в солнце, луне, звездах. Метафоричность пейзажных образов Клычкова объясняется верой в живую суть космоса: «Вечер пройдет и обронит / Щит золотой у ворот» (159), «Да заря крылом разбитым, / Осыпая перья вниз, / Бьется по могильным плитам / Да по крышам изб...» (164) и др.

Клюев знал «Микрокосм» (1856–1864, русский перевод 1870) Г. Лотце, разъяснявшего смысл бытия целостностью мира и человека. Космизм Клюева лежит в основе его тропов и метафорических картин: «Солнце избу взнуздало / Бревенчатого жеребца: / Умчимся в эскуриалы, / В глагол мирового Отца» (483), «Невозмутимы луга тишины – / Пастбище тайн и овчинной луны. / Там небеса, как полати, теплы, / Овцы – олады, ковриги – волю» (641), «Тучка повойником кроет поля» (643) и др. В основе тропов Клюева лежит и гилозоизм – «воззрение, оживотворяющее материальную природу»³ и, конечно, отвечающее идее всеединства мира. Кроме того, Клюев не мог не воспринять идеи Бёме о «всём теле сего мира»: «Всё тело сего мира подобно человеческому телу, ибо в самой внешней своей окружности его обрамляют звезды, или взошедшие силы природы; и в теле правят семь духов природы, а сердце природы – посреди них внутри»; или: «Каково происхождение и начало жизни в твари, таково и первое возрождение природы новой жизни в поврежденном теле сего мира»; или: «Теперь смотри: каково в человеке существо и происхождение мозга, таково же существо и происхождение планеты Юпитер»⁴. П. Бицилли, имея в виду сознание средневекового европейца, писал: «Микрокосм – человек – устроен совершенно наподобие макрокосма»⁵. Такие идеи в 1920–1930-е гг. выглядели архаично, но были актуализированы новокрестьянами.

Для Клычкова неоспоримы как целостность бытия, так и идеи отражения или подобия, идентичности верхнего и нижнего миров: «Высь звездная – не та же ль ряска тины, / А мы не шуки ли и караси?» (255). Если Хильдегарда Бингенская в сочинении «Познай пути» (1140-е) уподобляла вселенную яйцу, землю – яичному желтку, то и леший из «Чертухинского балакиря» втолковывал деревенскому балакирю истину о сохранном смысле яйца, которое бабы погружают в кадушку с рассолом. Он же уподоблял вселенную кадушке с рассолом без прокиса, месяц – тележному колесу. В наивности этих сентенций глубокий смысл. Как писал К. Победоносцев, «что просто, только то право»⁶. В подобии микро- и макрокосма заключен мировой

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3 / Общ. ред. В.Н. Орлова и др. М.; Л.: Худож. лит., 1960. С. 192.

² Бальмонт К.Д. Стихотворения / Вступ. ст., сост., примеч. В. Орлова. Л.: Советский писатель, 1969. С. 79.

³ Соловьев Вл. Философский словарь. С. 87.

⁴ Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. С. 318, 384, 386.

⁵ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. 56.

⁶ Победоносцев К.П. Болезни нашего времени // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени / Сост. С.А. Ростуновой, вступ. ст. А.П. Ланщикова. М.: Русская книга, 1993. С. 85.

порядок. Эта же мысль была близка Хармсу, он писал в 1933 г.: если он делает сапог, ему «важно, чтобы был тот же порядок, что и во всем мире», потому что чистота порядка «одна и та же в солнце, траве, человеке и стихах»¹.

Концепция целостности и подобия миропорядка скорее всего более была развита в философии, чем в художественных текстах. Зачинатель космической биологии А.Л. Чижевский в 1922 г. сформулировал теорию гелиотераксии – зависимости нашей жизни от Солнца. На вопрос о возможности изучения живого организма вне космической среды он ответил отрицательно: «Нет, не можем, ибо живой организм не существует в отдельности, вне этой среды, и все его функции неразрывно связаны с нею <...>. Мощные взаимодействующие силы исходят из космического пространства. Солнце, Луна, планеты и бесконечное число небесных тел связаны с Землей невидимыми узами»². Космические вибрации человеческой природы показаны в «Сахарном немце» (1925) Клычкова: созерцание и сознание героя максимально зависимы от состояния луны. Мысль об общей крови в жилах вселенной, о человеке – ребенке космоса выражена и в лирике Чижевского. Советский микробиолог, антропокосмист того времени Н.Г. Холодный писал, что человек – одна из «органических составных частей» космоса, а антропокосмизм означает «постоянное ощущение человеком своей органической, неразрывной и действенной связи» с природой, космосом, «учит нас подходить к истории человечества с масштабами космической жизни»³.

В философии Л. Карсавина мы находим связанные друг с другом основы миропорядка: «Какое бы место в ряду тварей человек ни занимал, в нем создано всеединство тварей: и высших его, как ангелы Божии, и низших, как животные. Оттого всеединство и есть всеединство, что в каждом единстве его содержатся все единства, хотя это и не вполне еще обнаружилось. Ведь содержится же весь Бог в каждой твари, Бог, которого мудрецы называют кругом, центр коего – везде, а окружность – нигде»⁴. Итак, всеединство и круг. В «Ключах Марии» приведено фольклорное уподобление: солнце – колесо. Там же онтологический смысл древнерусского алфавита описан как выражение, во-первых, единства вселенной («человечество будет переключаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности»⁵) и, во-вторых, универсального закона движения по принципу круга. Тело человека, по Есенину, «разделяется на два световых круга, где верхняя часть от пупа подлежит солнечному влиянию, а нижняя – лунному»; и далее: «колесо нашего мозга движет луна»⁶. Идея круга как движения вселенной высказана и лешим – персонажем Клычкова. И если аббатиса Хильдегарда Бингенская («Книга Божественных творений», 1163–1173) представляла макрокосм в виде круга, который держит в своих руках Природа – Божественная мудрость, то и леший объясняет балакирю: «В мире, Петр Кирилыч, все круглое <...>. Потому круглый месяц, круглое солнце, круглое колесо...

¹ Хармс Д. О явлениях и существованиях / Сост. Д. Токарев. СПб.: Азбука, 1999. С. 356, 357.

² Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семёнова, А.Г. Гачева; вступ. ст. С.Г. Семёновой; предисл. к текстам С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; примеч. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 318–319.

³ Холодный Н.Г. Мысли натуралиста о природе и человеке // Русский космизм: Антология философской мысли. С. 337, 343.

⁴ Карсавин Л. Saligia, или Весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах // Карсавин Л. Noctes Petropolitanae. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 54.

⁵ Есенин С. Ключи Марии. С. 269.

⁶ Там же. С. 272, 273.

у телеги, потому что телега иначе не стронется с места, а на то она и телега, как на то же и месяц, и солнце, чтоб не стоять на одном месте, а катиться и катиться по небу. Куда?.. Вот этого, брат, никто уж не знает, потому у этой дорожки нигде нету конца»¹.

Итак, центр представлений Клычкова и Клюева о мире – Бог, понимаемый религиозно и космологически. Мир всеедин, модели его устройства – идентичность, круг. Человек – часть космоса, но и слабое, подвластное злу создание Бога.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. 768 с.
- Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1969. 712 с.
- Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.
- Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 264 с.
- Блок А.* Собр.соч.: В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Худож. лит., 1960. 760 с.
- Бунин И.А.* Собр.соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Моск. рабочий, 1993. 540 с.
- Волошин М.* Собр.соч. Т. 7. Кн. II. М.: Эллис Лак, 2008. 768 с.
- Вроон Р.* Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева // Николай Клюев: исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 21–53.
- Гумилев Н.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1991. 519 с.
- Журов П.А.* Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. 1971. № 2. С. 152–158.
- Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
- Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1994. 656 с.
- Карсавин Л.* Noctes Petropolitanae. М.: Изд-во АСТ, 2004. 240 с.
- Клычков С.А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2000. 544 с.; Т. 2. М.: Эллис Лак, 2000. 656 с.
- Клюев Н.* Сердце Единорога. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
- Клюев Н.* Словесное древо: Проза. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
- Липкин С.П.* В Овражном переулке и на Тверском бульваре // Николай Клюев: Воспоминания современников. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 577–582.
- Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
- Маяковский В.* Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1967. 560 с.
- Никё М.* Теодицея у Н. Клюева и С. Клычкова // XXI век на пути к Клюеву. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2006. С. 81–86.
- Пантелеев Л.* Верую... : Последние повести. Л.: Советский писатель, 1991. 416 с.
- Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. 640 с.
- Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
- Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения 1910–1925. М.: Республика, 1995. 415 с.
- Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925. М.: Республика, 1995. 398 с.

¹ Клычков С.А. Чертухинский балакирь. С. 25.

Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии // Новый мир. 1989. № 9. С. 193–224.

Соловьев Вл. Философский словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 464 с.

Трубейской Е. Смысл жизни. М.: Изд-во АСТ, 2003. 396 с.

Хармс Д. О явлениях и существованиях. СПб.: Азбука, 1999. 384 с.

Цветаева М. Книги стихов. М.: Эллис Лак, 2006. 896 с.

Чугунов В. Открытое исповедничество Сергея Антоновича Клычкова // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2001. 528 с.

REFERENCES

- Akhmatova A. Collected Works: In 6 vols. Vol. 3. Moscow: Ellis Lak Publ. 1998. 768 p.
- Balmont K. Poems. Leningrad: Sovetsky Pisatel Publ. 1969. 712 p.
- Böhme Jakob. (2009) Die Morgenröte im Aufgang. Deutscher Klassiker Verlag im Taschenbuch. 1165 S.
- Bitsilli P.M. (1995) Elements of the Medieval Culture. St.-Peterburg: Miphiril Publ. 264 p.
- Blok A. Collected Works: In 8 vols. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1960. 760 p.
- Bunin I.A. Collected Works: In 8 vols. Vol. 1. Moscow: Moskovsky Rabochij Publ. 1993. 540 p.
- Voloshin M. Works. Vol. 7. B. II. Moscow: Ellis Lak Publ. 2008. 768 p.
- Vroon R. Old Believers, Sectarianism and “Sacred Speech” in the Poetry of Nikolai Klyuev. In: Nikolai Klyuev: Studies and Materials. Moscow: Nasledie Publ. 1997, pp. 21–53.
- Gumilev N. Works: In 3 vols. Vol. 1. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1991. 519 p.
- Zhurov P.A. Two Meetings with Young Klychkov. *Russian Literature*. 1971. No 2, pp. 152–158.
- Ivanov Vyach. (1994) Native and Universal. Moscow: Respublika Publ. 428 p.
- Ivanov G. Collected Works: In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Soglasie Publ. 1994. 656 p.
- Karsavin L. (2004) Noctes Petropolitanae. Moscow: AST Publ. 240 p.
- Klychkov S.A. Collected Works: In 2 vols. Moscow: Ellis Lak Publ. 2000. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 656 p.
- Klyuev N. (1999) Heart Of The Unicorn. St.-Peterburg. 1072 p.
- Klyuev N. (2003) The Verbal Tree: Prose. St.-Peterburg: Rostock Publ. 688 p.
- Lipkin S.P. In Ovrazhniy Side Street and Tverskaya Boulevard. In: Nikolai Klyuev: The Memoirs of Contemporaries. Moscow: Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 577–582.
- Lossky N. (1994) God and World Evil. Moscow: Respublika Publ. 432 p.
- Mayakovskiy V. Works: In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1967. 560 p.
- Nike M. Theodicy N. Klyuev and S. Klychkov. In: XXI century on the Way to Klyuev / Karelian Research Centre of RAS. Petrozavodsk. 2006, pp. 81–86.
- Panteleev L. (1991) Believe... : The Last Story. Leningrad: Sovetsky Pisatel Publ. 416 p.
- Pobedonostsev K.P. (1993) The Great Lie of Our Time. Moscow: Russkaya Kniga Publ. 640 p.
- Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought. Moscow: Pedagogika-Press. 1993. 368 p.

- Sergei Yesenin in poetry and life: Verses 1910–1925. M.: Republic, 1995. 415 p.
- Sergei Yesenin in Poetry and Life: Poems 1912–1925. Prose 1015–1925. Moscow: Republic Publ. 1955. 398 p.
- Sergei Klychkov: Correspondence, Writings, Biographical Materials. *Novyj Mir*. 1989. No 9, pp. 193–224.
- Solovyov Vl. (1997) The Philosophical Dictionary. Rostov-na-Donu: Fenix Publ. 464 p.
- Trubetskoy E. (2003) The Meaning of Life. Moscow AST. 2003. 396 p.
- Harms D. (1999) About Phenomenons and Existences. St.-Peterburg: Azbuka Publ. 384 p.
- Tsvetaeva M. (2006) Book of Poems. Moscow: Ellis Lak Publ. 896 p.
- Chugunov V. Public Confession of Faith Sergei Antonovich Klychkov. In: Sergey A. Klychkov: Studies and Materials. M.: Publishing House of A.M. Gorky Literary Institute. 2001. 528 p.

Сведения об авторе:
Наталья Михайловна Солнцева,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru